

Мелешковский батюшка

Во время Великой Отечественной войны солдаты и офицеры Красной Армии не только воевали, но имели возможность иногда и отдохнуть между боями. Что и как при этом происходило рассказал бывший сержант-миномётчик, канд. техн. наук, доцент МЭИ Анатолий Алексеевич Голиков, дважды награждённый высшим солдатским орденом Славы, орденом Красной Звезды и многими боевыми медалями. Орывки из его книги «Моя жизнь или одиссея миномётчика» (М.: Издательский дом МЭИ, 2012) с разрешения автора приводятся далее. Орденом Славы награждали солдат, сержантов и старшин Красной Армии в частности за уничтожение огнём миномёта огневых средств противника и обеспечение успешных действий своего подразделения. Орденом Красной Звезды увенчивали боевые подвиги солдат, сержантов и офицеров за храбрость, самоотверженность, мужество и образцовое несение военной службы.

Полк освободил посёлок Лука-Мелешковский, расположенный неподалеку от Винницы. Дивизию на три дня отвели во второй эшелон. Запомнилось, как радушно нас встречали местные жители, угощали яблоками и молоком. В посёлке разместился и политотдел 221-й стрелковой дивизии.

Майор политотдела дивизии С. Казимировский рассказывает: «Я пошёл прогуляться по улице по направлению к реке и вдруг остановился как вкопанный. На высоком берегу Южного Буга открытая всем ветрам стояла большая деревянная церковь, наподобие изумительных церквей, рубленых мастерами далекого севера. Она была покрашена голубой краской. Я обошёл её со всех сторон и стал спускаться, невольно оглядываясь на это деревянное чудо.

В послеобеденное время, когда мы все расположились во дворе, греясь на солнышке, звякнула щекотка калитки, вошел высокий, статный старик в добротной фиолетовой рясе и негромко спросил:

— Здесь политический отдел?

Был он спокоен и величав, только рука, которая придерживала на груди небольшую медный крест, слегка подрагивала. К нему подошёл начальник политотдела подполковник С. Галкин.

— Здравствуйте, батюшка, — почтительно произнёс он, — садитесь, — и тут же выхватил из-под майора А. Сергеева табуретку.

— Я пришёл сам, — глухо сказал священник, явно смущённый таким приёмом. Держался он гордо и степенно и на табуретку даже не взглянул. Лет ему было не меньше семидесяти. Он ещё больше приосанился и повторил:

— Я пришёл сам.

— Что случилось, отец? — как-то серьёзно спросил его Галкин.

Он взял священника выше локтя, и тот медленно опустился на табуретку. Мы стояли вокруг них, не спуская глаз с пришельца. Оказалось, что кто-то пустил слух, что политотделы арестовывают всех священников, которые правили службы при немцах, и расстреливают их как врагов народа. Он решил не прятаться и прийти в политотдел. Мы наперебой стали ему говорить, что ему ни-

чего не угрожает, если он ни в чём не виновен перед Родиной. Нам хотелось успокоить этого старика, как бы сошедшего со страниц книги о житии святых.

Он явно повеселел и на русско-украинском южном диалекте поведал нам свою историю. Сам он сложил духовный сан ещё в 30-м году. Работал пасечником в колхозе. Богатая пасека была. Медаль получил он за неё на сельскохозяйственной выставке в Москве. Когда пришли немцы, они открыли ранее заколоченную церковь, привезли откуда-то попа и приказали служить молебны. Новоиспечённый «святой отец» был изрядным прохвостом. Он провозглашал здравницы немецкому воинству, клял большевистских антихристов и пророчил близкую гибель Красной армии и падение Москвы. Бабы в слезах — у всех в Красной армии у кого муж, у кого сын или внуки. Кинулись люди вон из храма, проклиная нового попа, и в церковь больше ни ногой. Такая же участь постигла и второго присланного немцами служителя. Тут кто-то вспомнил про своего попа, и под Рождество на трёх санях к нему явилась целая делегация стариков и старушек.

— Послужи, отец наш, народу! Будь нашим пастырем праведным. Утешь ты нас в годину горькую, заступишь за нас перед Господом нашим, и за деток, и за мужей наших...

Одним словом, уговорили. Принял он снова сан духовный, правда, без благословения духовной иерархии — где её было искать? Службу он служил лёгкую, простую. По воскресным дням читал он прихожанам проповеди, притчи и аллегории библейские рассказывал. И всякий раз как-то само собой получалось, что Русь как стояла, так и будет стоять, что ждёт насильников и грабителей гибель неминуемая, что кто бьётся за землю свою, за тем и правда, ждёт его слава вечная как на том, так и на этом свете. Говорил он все это туманно, больше намёками и обиняками, чтобы холюи немецкие да подслушники придраться не могли. Но люди, слушая своего нового пастыря, с полуслова и полувзгляда понимали его. И повалил в Мелешковскую церковь народ со всей округи. Церковь почистили, покрасили и застеклили окна. Всем миром работали. Дружно и напористо, будто крепость какую-то строили. Особенно осаждали его женщины, как молодые, так и старые. Слушали его побасенки, заглядывая ему в глаза, и каждая считала, что это ей он предвещает избавление от бедствий и тоски по близким людям. Помочь он им не мог ничем, зато щедро одаривал добрым словом утешительным, да лаской исцеляющего участия.

Говорил он долго, голос его звучал то вдохновенно-возвышенно, то хитровато-иронически. Порой он напоминал нам хорошего старого актёра, для которого внимательные и чуткие слушатели становятся неиссякаемым источником воодушевления и вдохновения.

Затем он вдруг спохватился, стал торопливо прощаться, отвечивая каждому из нас поклоны в пояс.

— Нужно домой торопиться, а то матушка там убивается, в живых, небось, увидеть не чаёт.

К вечеру видим: снова наш батюшка к нам во двор заходит. Улыбается, и ряса на нём будничная, покороче

А. И. Голиков. 1948 г.

А. И. Голиков

прежней. Вышли мы снова к нему, а он и говорит:

— Просим весь политический отдел к нам откушать. Матушка и я в гости просим.

Чего только не было на столе у матушки! Сама дородная, пухленькая, чистенькая. Говорит по-украински певуче-мягко. Угощение отменное. Грибки и сало, колбаса домашняя и солонина, соленья и квашения разные, наливки да настойки всякие. Во главе стола хлебосольный хозяин в рясе, а за столом майор Иванов — чуваш, Мустаев — татарин, трое русских, в том числе начальник политотдела СЛ. Галкин, два еврея (капитан Бергинер и я), солдат Бондаренко — украинец.

Когда наш батюшка немного захмелел, поднял он тост за веру. И добавил, лукаво прищурившись: «Не за православную, не за мусульманскую и не за иудейскую, а за единую веру — советскую».

В дивизионном доме отдыха

Девятая рота получила путёвку в дивизионный дом отдыха. Командир роты и старшина стали спорить, кто должен её получить. Командир роты предлагал отдать путёвку командиру пулемётного расчёта — пожилому сержанту Демченко, а старшина — мне. Победил в споре старшина, и я оказался в доме отдыха. Попал прямо в рай: занавески на окнах, чистые простыни, в столовой на столах хлеб без ограничения, ягоды. Кино, газеты, книги. Запомнил даже, какую картину показывали — «Давид Сосунский». По утрам никто не командует: «Подъём!», и так сладко спать, когда слышишь сквозь сон крики сержантов, которые гонят на физзарядку солдат из расположенных неподалеку частей. Пробыл я в этом раю всего пять дней, а память о них осталась на всю жизнь.

А. И. ГОЛИКОВ,
канд. техн. наук, МЭИ, Москва